

Маликова В.А.¹, Аптикиева Л.Р.², Аптикиев А.Х.³

¹Оренбургский государственный аграрный университет

²Оренбургский государственный университет

³Оренбургский государственный педагогический университет

E-mail: orensau-idpo@mail.ru; lilya_aptikieva@mail.ru; albert-aptikiev@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЯ ПРОТИВОСТОЯТЬ НАСИЛИЮ

Исследовано понятие насилия и жестокого обращения с детьми. Рассмотрены характеристики виктимной личности. Предложены психолого-педагогические условия, способствующие формированию умения противостоять насилию

Ключевые слова: насилие и жестокое обращение с детьми, умение и навыки противостояния насилию, личностный адаптационный потенциал, виктимогенез личности, психолого-педагогические условия формирования умения противостоять насилию.

Какие действия можно квалифицировать как жестокое обращение с ребенком – это вопрос относительный и его необходимо рассматривать в свете существующих в данной культуре норм. В связи с этим понятия «насилие» и «наказание» в некоторых случаях нуждаются в специальном разграничении.

Современные исследователи дают различные определения терминов насилия и жестокого обращения с детьми: насилие – это различные виды поведения – от вербальных и эмоциональных оскорблений, применения физической силы до убийства и изнасилования; насилие есть применение силы, опора на силу, действие с помощью силы; насилие – тип человеческих, общественных отношений, в ходе которого одни индивиды или группы людей подчиняют себе других, узурпируют их свободную волю; межличностное насилие как со смертельным так и не смертельным исходом рассматривается как применение физической силы или других средств одним человеком с целью причинить другому вред, увечье или смерть.

Несмотря на некоторые особенности в формулировке определений, их общий смысл един и отражает умышленное нанесение физического и эмоционального вреда ребенку.

Разработка проблемы жестокого обращения с детьми в России интенсивно шла в направлении изучения внутрисемейных насильственных преступлений, в числе которых особое значение приобретают насильственные преступления против детей. Исследованию данной проблемы посвящены работы Д.А. Шестакова, Т.Я. Сафоновой, Е.И. Цымбал,

Л.Я. Олиференко, Н.А. Ивановой, И.И. Демьяненко, С.Л. Сибирякова, Н.Н. Демидова, П.В. Анисимова, Е.А. Костыря, О.А. Фоминой, в результате которых отчетливо обозначилась ее актуальность.

При этом, ряд авторов (Т.В. Шипунова, О.А. Фомина, И.И. Демьяненко и др.) выделяют две перспективы: первая – изучение открытого и явного насилия против детей, вторая – анализ форм и причин неявного насилия, его последствий для развития детей и формирования негативных явлений в социуме: преступности, девиантности, агрессии и жестокости, как ответной реакции на сложные жизненные ситуации. Жизненные ситуации, сопровождающиеся насилием можно отнести к трудным жизненным ситуациям, а в ряде случаев даже к экстремальным.

Любая жизненная ситуация, в особенности ситуация вынуждающая человека испытывать психологический или физический дискомфорт побуждает к деятельности по изменению данной ситуации (если таковое изменение возможно) или адаптации к ней.

При выполнении деятельности по изменению нежелательной ситуации необходимо владеть определенными приемами, которые можно охарактеризовать как умения и навыки.

Автоматизированные, сознательно и полусознательно контролируемые приемы деятельности называются соответственно умениями и навыками.

Отработка навыков, как элементов умения обычно происходит в результате упражнений и тренировки. Говоря об умении противостоять насилию, мы предполагаем, что,

отрабатывая на специально организованных занятиях навыки по собственной защите в различных жизненных ситуациях, подросток формирует основу навыка противостояния насилию, который впоследствии перерастет в умение.

Поскольку навыки входят в структуру действий и различных видов деятельности в большом количестве, они обычно взаимодействуют друг с другом, образуя сложные системы навыков. Характер их взаимодействия может быть различным: от согласованности до противодействия, от полного слияния до взаимно отрицательного тормозного влияния - интерференции. В связи с этим в процессе реабилитационной работы с детьми, пережившими насилие, в первую очередь необходимо разрушить прежний стереотип поведения (привычные навыки и умения) и сформировать новые.

Исследователями доказано, что одно из основных качеств, относящихся к умениям, заключается в том, что человек в состоянии изменять структуру умений - навыков, операций и действий, входящих в состав умений, последовательность их выполнения, сохраняя при этом неизменным конечный результат. Умелый человек найдет выход практически в любой ситуации.

Умения в отличие от навыков всегда опираются на активную интеллектуальную деятельность и обязательно включают в себя процессы мышления. Сознательный интеллектуальный контроль - это главное, что отличает умения от навыков. Активизация интеллектуальной деятельности в умениях происходит как раз в те моменты, когда изменяются условия деятельности, возникают нестандартные ситуации, требующие оперативного принятия разумных решений.

Успешное формирование умений в целом опирается на сознательно контролируемые части деятельности, по крайней мере, в основных промежуточных пунктах и конечной цели. Контроль, в свою очередь предполагает достаточный уровень развития личностных качеств. В современной отечественной психологии предпринимаются попытки целостного осмысления личностных характеристик, ответственных за успешную адаптацию, совладание, а также умение справляться с жизненными трудностями. Это и психологическое наполнение введенного Л.Н. Гумилевым

понятия пассионарности, и понятие о личностном адаптационном потенциале, определяющем устойчивость человека к экстремальным факторам, предложенное А.Г. Маклаковым, и понятие о личностном потенциале, разрабатываемое Д.А. Леонтьевым на основе синтеза философских идей М.К. Мамардашвили, П. Тиллиха, Э.Фромма и В. Франкла [2], [3].

Понятие о личностном адаптационном потенциале идет от концепции адаптации и оперирует традиционными для этой научной парадигмы терминами. А.Г. Маклаков считает способность к адаптации (т.е. умение справиться с ситуацией или приспособиться к ней) не только индивидуальным, но и личностным свойством человека [3].

Адаптация рассматривается им не только как процесс, но и как свойство живой саморегулирующейся системы, состоящее в способности приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям. Адаптационные способности человека зависят от психологических особенностей личности.

В личностный адаптационный потенциал, согласно А.Г. Маклакову, включаются следующие характеристики: нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу, самооценка личности, являющаяся ядром саморегуляции и определяющая степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей, ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих, уровень конфликтности личности, опыт социального общения. Все перечисленные характеристики он считает значимыми при оценке и прогнозе успешности адаптации к трудным и экстремальным ситуациям, а также при оценке скорости восстановления психического равновесия [3].

Д.А. Леонтьев вводит понятие личностного потенциала, как базовой индивидуальной характеристики, стержня личности. Личностный потенциал, согласно Д.А. Леонтьеву, является интегральной характеристикой уровня личностной зрелости, а главным феноменом личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является как раз феномен самодетерминации личности. Личностный потенциал отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете, преодоление лич-

ностью самой себя, а также меру прилагаемых им усилий по работе над собой и над обстоятельствами своей жизни [2].

Одна из специфических форм проявления личностного потенциала - это проблематика преодоления личностью неблагоприятных условий ее развития.

Феноменологию, отражающую различные аспекты личностного потенциала, в разных подходах в зарубежной и отечественной психологии обозначали такими понятиями как воля, сила Эго, внутренняя опора, локус контроля, ориентация на действие, воля к смыслу и др. Наиболее полно, с точки зрения Д.А. Леонтьева, этому понятию в зарубежной психологии соответствует понятие «жизнестойкость» - «hardiness», введенное С.Мадди [2].

Теория С. Мадди об особом личностном качестве «hardiness» возникла в связи с разработкой им проблем творческого потенциала личности и регулирования стресса. С его точки зрения, эти проблемы наиболее логично связываются, анализируются и интегрируются в рамках разработанной им концепции «hardiness». Через углубление аттитюдов включенности, контроля и вызова (принятия вызова жизни), обозначенных как «hardiness», человек может одновременно развиваться, обогащать свой потенциал и совладать со стрессами, встречающимися на его жизненном пути.

В отечественной литературе принято переводить «hardiness» как «стойкость» или «жизнестойкость» (Д.А. Леонтьев), но, в связи с многоплановостью этого понятия и с целью максимального сохранения смысла в дальнейшем в тексте мы будем использовать авторский термин «hardiness» (выносливость, крепость, здоровье, устойчивость, смелость, отвага, неустрашимость, дерзость, наглость). Соответственно «hardy» – выносливый, стойкий, закаленный, смелый, отважный, дерзкий, безрассудный; выносливый человек [2].

Понятие «hardiness» отражает, с точки зрения С. Мадди и Д. Кошаба психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, а также является показателем психического здоровья человека.

Первой характеристикой аттитюдов «hardy», согласно С. Мадди, является «включенность» (commitment) - важная характеристика в отношении себя и окружающего мира и характера взаимодействия между ними, которая дает силы и мотивирует человека к ре-

ализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению. Она дает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. «Hardy»-аттитюд, условно названный «контролем» (control), мотивирует к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений, в противовес впадению в состояние беспомощности и пассивности.

Это понятие во многом сходно с понятием «локус контроля» Дж. Роттера. В противоположность чувству испуга от этих изменений, «hardy»-аттитюд, обозначенный как «вызов» (challenge), помогает человеку оставаться открытым окружающей среде и обществу. Он состоит в восприятии личностью события жизни как вызова и испытания лично себе. Суммируя, можно сказать, что «hardiness» - это особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения в возможности. Это своего рода операция анализа введенного П. Тиллихом понятия «мужество быть».

В подростковом возрасте изменения в формировании личности под воздействием негативных условий (социальных, психологических, экологических и др.) рядом исследователей было обозначено как виктимологический аспект проблемы самосознания. Анализ специальной литературы по проблемам предотвращения насилия свидетельствует о том, что, возникнув как способ ответа на насилие, психологические новообразования постепенно обретают собственное развитие (Е.В. Руденский, Э. Фромм и др.). Их становление продолжается даже при отсутствии некогда вызвавших их причин, приводит к доминированию отрицательных качеств в личностной системе и дальнейшему искажению образа Я.

Согласно теории интерактивного виктимогенеза, дефицитарной деформации развития личности, разработанной Е.В. Руденским, существуют следующие подходы к определению источников деформации развития личности - интерактивного виктимогенеза личности. Психотравматический - переживание травматического события как значимого факта личной жизни. Дефицитарный - переживание невозможности удовлетворения потребности, вследствие дефекта интерактивной

системы развития личности, обусловленного рядом факторов, связанных с доминированием компенсирующих интерактивных стилей личности значимого для развивающейся личности подростка. Виктимогенная интерактивная ситуация характеризуется преобладанием насильственно-манипулятивного интерактивного стиля виктимогенного агента социализации, формирующая противоречивость самооценок развивающейся личности подростка. Это находит свое подтверждение в исследованиях. Дети, пережившие насилие обладают, в большинстве случаев либо завышенной, либо заниженной самооценкой.

Т.Н. Колесникова, С.С. Остроумов, В.Н. Полубянский, Е.В. Руденский, Н.В. Тарабрина и др., позволяют раскрыть личностные особенности, приводящие к виктимогенному комплексу жертвы [4].

В этих работах внимание отводится психологическим аспектам при изучении роли жертвы в генезисе преступления, ее межличностным связям и отношениям, профилактики виктимности личности.

Виктимологические исследования Д.В. Ривмана показывают, что «индивидуальная виктимность проявляется избирательно». Виктимность понимается, как своего рода способность стать жертвой негативных явлений: человек ею еще не стал, но у него имеются такие индивидуально-психологические особенности, качества личности, которые делают его при определенных обстоятельствах жертвой, причем скорее и легче, чем другого, у кого этих качеств личности нет.

«Способность» по мнению С.Д. Смирнова, Т.В. Корниловой, Е.Л. Григоренко, Н.В. Соловьевой, В.Л. Франка и др. не совпадает с «предрасположенностью», потому что значительная часть признаков виктимной личности приобретает подростком в процессе контактов с негативными условиями жизни. Вместе с тем А.Д. Кошелева, Л.С. Алексеева, Э.С. Мельникова, В.Я. Рыбальская указывают, что нельзя отвлекаться и от таких чисто возрастных признаков подростков, как любознательность, доверчивость, неопытность, простодушие. В целом же следует констатировать, что совокупность генетических, демографических и индивидуальных психологических качеств личности подростков при серьезных изменениях привычной для них среды жизни и воспитания формирует признаки лично-

сти, делающие их уязвимыми к неблагоприятным изменениям этих привычных условий.

Дж. Котлер, Р. Браун, В.М. Раева и др. считают, что в отношении таких подростков и юношей следует придерживаться следующих правил: быстрое изъятие их из виктимогенной зоны; первоочередное воздействие на наиболее провоцирующие условия, например, существенные изменения макросреды их обитания. Э.С. Мельникова отмечает, что процессы виктимизации идут быстро на первом этапе изменения ситуации в макросреде, но, как правило, имеют шлейф негативных последствий. Большинство исследователей сходятся в том, что результатами пережитого в детстве насилия, так называемыми Н.В. Тарабриной отставленными эффектами травмы, являются нарушения Я-концепции, чувство вины, депрессия, трудности в межличностных отношениях и сексуальные дисфункции [4].

Анализ научной литературы показывает, что любая ситуация насилия, в которой оказывается ребенок, носит полифакторный характер. По мнению Н.В. Гришиной вопрос о том, будет ли происшедшее переживаться как травма в дальнейшем, решается в зависимости от индивидуальных особенностей ребенка, условий, в которых протекает его развитие, характера воздействия, и многих других факторов. В этом контексте виктимологический подход к психологическому развитию личности отличается от патопсихологии детства и дефектологии.

Это отличие заложено в концептуальной позиции нашего подхода: рассмотрение умений противостояния насилию, как формируемого качества личности, и обоснование психолого-педагогической модели взаимодействия по формированию данного умения.

В меняющемся мире существует большое количество условий, способствующих виктимизации. Среди их многообразия как ведущие выделяются социальные и феноменологические факторы. Феноменологические факторы связаны с теми внутренними изменениями в человеке, которые происходят под влиянием неблагоприятных факторов воспитания и социализации. Сформировавшись и закрепившись, данные внутренние изменения сами становятся условием развития новых виктимогенных факторов.

Как отмечает Т.Г. Волкова физическое насилие – это реальное причинение физичес-

кого вреда, под которым понимается нарушение анатомо-физиологической целостности человека, а психологическое насилие выражено словосочетанием «угроза применения насилия». Однако исследователи А.А. Александров, О.А. Кравцова, В.С. Мухина и др., указывают, что только сексуальное или физическое насилие взятые сами по себе не дают полной картины природы и генезиса нарушений развития личности ребенка. А.С. Алексеева, Н.Г. Осухова отмечают, что «чрезвычайно много для прояснения и классификации различных форм насилия дает выделение категории психологического, или эмоционального насилия» [1].

Тяжесть последствий физического и сексуального насилия зависит: от обстоятельств, связанных с особенностями ребенка (возраст, уровень развития и свойства личности) и насильника; от продолжительности, частоты и тяжести насильственных действий; от реакции окружающих.

Несмотря на различия в содержании угрожающих событий, для всех, кто пережил их, характерны такие когнитивные тенденции как: стремление иметь теорию события; стремление чувствовать контроль над событием, над процессом преодоления его последствий, над собственной жизнью в целом; стремление к повышению самооценки. Эффективность реализации этих стремлений определяет успешность адаптации.

Необходимо учитывать следующие особенности когнитивных структур: их значение может меняться в зависимости от ситуации. На первых фазах кризисного состояния у жертв насилия внутренний локус контроля тесно связан с чувством вины и самообвинением и ориентация на него в начальной фазе реабилитации может вызвать ухудшение эмоционального состояния жертвы. Однако если присутствует «временная разорванность» и переживший кризисную ситуацию считает, что первоначальная причина спровоцировавшая насилие больше не действует, повышение интернальности способствует более эффективному преодолению.

Все когнитивные структуры тесно связаны: достижение чувства контроля повышает самооценку; приписывание причин события внешним обстоятельствам помогает избежать резкого снижения самооценки на начальном этапе реабилитации.

Таким образом, когда люди переживают кризисную ситуацию, они отвечают когнитивными изменениями, которые дают возможность вернуться к предыдущему уровню психологического функционирования или даже превзойти его. Процесс адаптации разворачивается вокруг трех тем: смысл события, чувство контроля над ним и над жизнью в целом, повышение самооценки.

Многие исследования показывают, что если не реализован хотя бы один элемент, то процесс адаптации нарушается. Психолог должен увидеть, в каком звене поврежден процесс естественной когнитивной адаптации и соответственно, направить свою помощь.

Причиной вторичной виктимизации жертвы может стать полное несовпадение когнитивных моделей участников психотерапевтического процесса, поэтому прежде, чем формулировать концепцию психологической помощи, полезно осознать насколько собственная модель атрибуции соответствует личной модели подростка и определить соответствующие условия для продуктивной работы.

На основе предыдущего теоретического анализа по проблеме насилия были выявлены психолого-педагогические условия, каждое из которых способствует формированию устойчивых жизненных ориентаций, выработке адекватных стратегий поведения, раскрытию внутриличностных ресурсов позволяющих противостоять насилию, принятию ответственности за смысложизненную ориентацию и осознание своей роли в обществе.

Рассмотрим каждое из условий в структуре личностных и социальных противоречий, разрешение которых способствует формированию умения противостоять насилию.

Первое психолого-педагогическое условие – «формирование отношения к насилию с позиции ценностных ориентаций». На пути к истинным ценностям традиционной культуры подростки сталкиваются с множеством препятствий. Всестороннее информирование о разрушительном влиянии насилия, как на личность пострадавшего, так и на личность насильника позволит выработать верное отношение к данной проблеме в целом и применительно к себе, в частности.

Ко второму условию, на наш взгляд, следует отнести способность к рефлексии. Дос-

таточный уровень развития рефлексии позволяет оценить последствия действий и поступков, регулирует выбор ценностей, «запрещает» выбор ценностей не соответствующих истинным ценностям традиционной культуры, в процессе формирования у подростков умения противостоять насилию. Выбор подростками способов достижения цели – это выбор ценностей, который выявляет ценностный модус его личности.

Третьим значимым условием является формирование коммуникативных умений. В перечень коммуникативных умений, необходимых подростку, с нашей точки зрения, следует отнести: умение управлять своим поведением; умение быть наблюдательным, понимать, а не только видеть, то есть адекватно моделировать личность человека, его психо-

логическое состояние; умение социальной перцепции или «чтение по лицу» и др.

Кроме того, под условиями, способствующими формированию умения противостоять насилию, мы понимаем и особым образом организованную безопасную среду, в которой взаимодействуют люди – тот, кому необходима помощь, и тот, кто эту помощь оказывает.

В заключение подчеркнем следующее. Всякое насилие над личностью не выступает изолированно от психического насилия. Наиболее распространенные формы психического насилия проявляются чаще в семье и в школе. Анализ работ представителей различных теоретических подходов показал, что все они сходятся в признании патогенного влияния психического и физического насилия на личность ребенка.

20.12.2010

Список литературы:

1. Алексеева Л.С., Осухова Н.Г., Ширинский В.И. Технологии социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия // Науч.-метод. пособие под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2001. – 208 с.
2. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. – 1989. - № 3.
3. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал, 2001. - Т. 22. - № 1.
4. Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психологический журнал. - 1992. - т. 13. - № 2. - с. 14–29.

Сведения об авторах:

Маликова Валентина Алексеевна, проректор по повышению квалификации – директор института дополнительного образования Оренбургского государственного аграрного университета, доктор психологических наук, профессор, адрес электронной почты: orensau-idpo@mail.ru

Аптикиева Ляйля Рахматулловна, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент, адрес электронной почты: lilya_aptikieva@mail.ru

Аптикиев Альберт Хуснутдинович, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент
Адрес электронной почты: albert-aptikiev@mail.ru
Служебн. 460018, пр-т Победы, 13, ауд. 2311, (3532)372575, albert-aptikiev@mail.ru

UDC 158 (p): 34c.5

Malikova V. A., Aptikieva L.R., Aptikiev A.H.

AXIOLOGICAL FACTOR AT THE PROCESS OF INNOVATION DEVELOPMENT OF EDUCATION

The concept of violence and cruel treatment of children is investigated. Characteristics victimhood persons are considered. The psihologo-pedagogical conditions promoting formation of ability to resist to violence are offered

Keywords: violence and cruel treatment of children, skills of opposition to violence, personal adaptable potential, viktimgenez persons, psihologo-pedagogical conditions of formation of ability to resist to violence.

Bibliography:

1. Alekseeva L.S., Osuhova N.G., Shirinsky V.I. Tehnologii of social work with children who have suffered from family violence// the Nauch.-method. The grant under the editorship of h.p. Alekseevoj. – M: family and education Publishing house GosNil, 2001. – 208 with.
2. Leont'ev D.A. The person: the person in the world and the world in the person //psychology Questions. – 1989. - № 3.
3. Maklakov A.G. Personal's jobbers adaptable potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions//Psychological magazine, 2001. - Т. 22. - № 1.
4. Tarabrina N.V., Lazebnaja E.O. Syndrome posttraumaticeskikh stressful infringements: a current state and problems// Psychological zhurnal. - 1992. т. 13. № 2. with. 14–29.